

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

I.

Кризисная ситуация на Украине и вокруг нее далека от разрешения, ее последствия весьма туманны, но в подавляющей своей части однозначно разрушительны. Каковы возможности минимизировать геополитический и иной ущерб, который несет с собой данный – уже теперь ясно, - один из самых крупных после обеих мировых войн катаклизмов? Любое политическое явление, в том числе в фазе кризиса, - это комбинаторика многих процессов, интересов, присутствий, внешних и внутренних, из прошлого, настоящего и будущего, из виртуального пространства. Безусловно, украинский кризис имеет свои серьезные внутренние причины, не будем их недооценивать. Но есть в его механизме и некие внешние пружины, оказавшиеся во многом привнесенными извне, «наведенными». Упрямые факты все более наглядно свидетельствуют о том, что именно пересечение, столкновение внешних интересов, геополитических проектов, прежде всего Запада и России, их наложение на внутренние факторы на украинском пространстве оказало на ход данного кризиса глубокое воздействие. Возможно, что и распутывать клубок острейших противоречий надо начинать с извлечения и обезвреживания этих опаснейших «нитей».

О расширении Запада, в облики ЕС, НАТО, в том числе и в первую очередь на восток, за предыдущие четверть века принято говорить как о чем-то само собой разумеющемся. В некоторых экспертных кругах его часто и вполне «инерционно» пытаются объяснить извинительной потребностью в заполнении того геополитического вакуума, который после распада СССР и Восточного блока появился в Центральной и Восточной Европе, в том числе на постсоветском пространстве. Складывается впечатление, что кто-то счастливо полагал: расширение на восток будет бесконечным, беспрепятственным, гармоничным. Ведь Россия практически до середины нулевых годов «не замечала» этот процесс. Что изменилось сейчас? Прежде всего, дело в незамеченном появлении «другой» России. Даже «поздний» Б.Ельцин по-иному реагировал на расширение НАТО, чем «ранний». Между тем, «сходу» была пройдена, ликвидирована так называемая «серая зона» – своего рода «амортизатор», геополитическая подушка безопасности. Запад, попросту продолжил, не считая при этом нужным что-то согласовывать с РФ как с побежденной в «холодной войне» страной, «интегрировать», прибирать к рукам теперь уже «канонические» территории традиционных интересов России, которые всегда ориентировались на нее и поддерживали с ней очень значимые, если не эксклюзивные отношения.

По сути Западом была начисто проигнорирована «естественная» трансформация, развитие геополитического феномена России, которую теперь остается пропесочивать как непослушного младшего партнера, вышедшего за рамки приличного поведения. А между тем в политике России, в том числе в ее

евразийской компоненте, нет никакой «злокозненности» и безответственности, за которые ее хотят примерно «наказать». Просто Россия преодолела постсоветский синдром и стремится отыграть принадлежащее ей по праву место в мировой геополитике. И это отнюдь не сводится только к ценам на нефть.

И то, что Запад не видит, не хочет видеть существенных, логичных, неизбежных изменений не только в статусе России, но и в мировой геополитике, является его крупнейшим стратегическим просчетом. Опасность – именно в этом сохраняющемся самоослеплении. Воплощаемый сегодня на Украине сценарий – не экспромт. Он тщательно готовился на протяжении многих лет с многомиллиардными затратами. А события десятилетней давности на Майдане были своего рода разминкой, пробой сил, в расчете на слабость России.

Не Россия данный кризис инициировала, не она «разворошила муравейник». Она явно не была заинтересована в нынешнем украинском конфликте, не рассчитывала на какие-то для себя дивиденды. Что не отрицает заинтересованности РФ в Украине как в тесном партнере, но отнюдь не в качестве трудного оппонента, тем менее в виде незаживающей раны на своих границах. Если на то пошло, то именно Запад сделал все возможное для значимого дестабилизирующего нарушения геополитического равновесия на украинской площадке. Россия как раз вынужденно пытается это равновесие удержать от «сваливания в штопор».

II.

Вместе с тем возникшие объективные моменты угроз и вызовов для безопасности РФ и ее национальных интересов было бы недопустимо игнорировать или недооценивать. Мы имеем здесь дело с «голой» геополитикой, рукотворно созданными реалиями. Разве не очевидно ныне, что возведение на украинской стороне рва (сегодня уже реального, на местности), санитарного кордона между Россией и Европой, призвано более привязать Европу, а также союзников и партнеров из других регионов мира, в политическом, экономическом, военном отношениях к США в условиях глобального брожения. Окончательно и бесповоротно, на десятилетия, предусмотрены отрыв Украины от России, превращение первой в форпост НАТО у границ РФ, возведение «рубежа сдерживания» России. Ближайшая цель – торможение, а по возможности и полная остановка реинтеграционных процессов на постсоветском, североевразийском пространстве, «закупоривание», блокирование развития «встающей с колен» державы, ее отношений с зарубежными партнерами в экономической, политической, технологической и иных сферах. Есть и идеологическая сверхзадача – демонизация России, придание ей роли «изгоя», выставление в неприглядном свете перед мировым сообществом и собственным народом, дискредитация российского руководства, высших эшелонов власти, разжигание антигосударственных, сепаратистских настроений.

Нельзя исключать, что в каких-то «креативных» умах в условиях раскаленной политической атмосферы мог возникнуть вариант создания в ходе

внутриукраинского и российско-украинского конфликтов перманентной зоны региональной нестабильности. Ведь совершенно очевидно, что «выдавливание» РФ с европейского направления, торпедирование ее отношений с Украиной толкают Россию в объятия Китая. Из чего можно сделать достаточно логичный вывод: партнерство России с Европой, с перспективой дальнейшего сближения и формирования региональной мегаструктуры, а также с Украиной как «мостом» между ее частями, видится заокеанским «сценаристам» большей угрозой, чем появление «Чируссии» – стратегического союза КНР и РФ (при всех лимитирующих обстоятельствах такого союза). Как не вспомнить в связи с этим реакцию З.Бжезинского, когда его спросили, не жалеет ли он, что в свое время поощрял исламский радикализм в Афганистане. Ответ последовал в том смысле, что тогда было гораздо важнее решить другую задачу – ослабление СССР. Россия нужна в качестве «агрессивной страшилки» и для наращивания (не снижения!) в условиях кризиса оборонных расходов, в том числе для использования «локомотива» милитаризации как фактора ускоренного преодоления кризиса. При этом не слишком утешительно, что Россию порой по-прежнему именуют сверхдержавой, попутно всячески и публично принижая ее роль в мировой геополитике.

Украина в ракурсе данного комплекса задач – лишь удобная площадка для его реализации. Не было бы украинского фактора, нашлись бы иные поводы и места приложения. Ну а проблема «сепаратизма» очень хорошо вписывается в эти задачи в качестве дополнительного «работающего» инструмента.

Зерна сепаратизма на Украине были заложены уже в самих принципах построения украинской государственности, предопределивших нынешний разлом в условиях революционных потрясений, которые очень часто сопровождаются сепаратистскими проявлениями. И заботливому «садовнику» осталось эти зерна лишь поливать, проращивать. Важнейшую роль играл жесткий, отупляющий национализм с коричневым отливом, противопоставление Украины России как стержня национальной самоидентификации. «Европейский выбор» Украины при этом выступал в качестве средства во всем и навсегда «расплеваться» с Россией и с общим прошлым. Украину мы получили, осталось сделать украинцев, говорил один из бывших президентов Украины. И эта работа в ускоренном варианте дала свои результаты.

Очередной пик обострения внутриукраинских отношений (подчеркиваем, внутриукраинских) не случайно пришелся на время активизации дискуссий по Евроассоциации Украины. Установка на «приобщение к Европе» - в первую очередь политический проект, «дублер» движения Украины в НАТО, куда Киев с «первого захода» не приняли, в том числе в связи с протестами Москвы. А для «публики» проект Евроассоциации был представлен как панацея от всех бед, решение разом всех проблем. Между тем было изначально ясно: процесс не пойдет гладко. Юго-Восток, да и значительная часть остальной Украины не собирались идти в Европу за счет разрыва с Россией и неизбежных социально-экономических тягот. Многие совершенно здраво полагали, что в итоге Евроассоциация обернется мыльным пузырем, всеобщим разочарованием, а в первую очередь в краткосрочном плане – дестабилизацией. И нужен был именно сильный импульс на взрыв-разрыв в российско-украинских отношениях.

Отсюда и Евромайдан с его жестким, кровавым воплощением, заточенный против России, будто бы не пускающей «независимую» Украину в Европу. Ряд уважаемых аналитиков, среди них Е.М.Примаков, справедливо отметили, что Майдан был сперва акцией против коррупции, за демократию и гражданские права. Но это стандартный предлог для любой «цветной» революции. Дальше следовало конкретное раскрытие реальных целей. И Майдан послужил подходящим бикфордовым шнуром для взрыва националистических и антироссийских («антиимперских») эмоций. Надо сказать, что Москва сама во многом повысила ставки в разыгрывании украинской карты своими слишком упорными, пусть и совершенно обоснованными и взаимовыгодными, приглашениями Украины к партнерству. Хотя многие эксперты склоняются к мысли, что Украина в том же Таможенном союзе была бы своего рода «троянским конем», дестабилизирующим фактором. Видимо, кто-то испугался, что Москва перехватит инициативу в интеграционных вопросах, «перекупит» Киев. А потому никто не стал дальше «окучивать» вынужденного «петлять» В.Януковича, ждать президентских выборов 2015 г. или исполнения договоренностей, освященных Германией, Францией и Польшей о досрочных (в этом случае условно легитимных) выборах конца 2014 г.

Подчеркнем, в современном целостном, взаимозависимом мире нет «абсолютной» независимости в политике, не только внешней, но и внутренней, и в сфере принятия решений, тем более без учета мнений и интересов соседа-партнера. Это – азы нынешней геополитики. И Украина не должна была игнорировать опасений России в ходе выработки своего курса на Евроассоциацию и приоритетность военно-политического и военного партнерства с Западом. Как и обязана была учитывать все риски дальнейших отношений с Россией, ее реакции на происходящее. Если, конечно, с самого начала не ставилась задача «окончательного решения» российско-украинских отношений, а для этого нужно было втянуть Россию в украинские разборки, причем именно в силовом варианте. Внешний и внутренний, в лице «сепаратистов», враг нужен был и для того, чтобы «сплотить нацию», отвлечь внимание общества от неизбежных провалов «новой власти» - а они еще впереди. Терпите, это плата за независимость, не устают повторять мэр Киева В.Кличко. И данную «фишку», системообразующую величину майданной революции, никто не отпустит, не уберет из пропагандистской обоймы. Необходимо учесть, что все это было еще «до Крыма», до запоздалого пробуждения трудяги Юго-Востока.

Кстати, о «сплочении нации». По своим поведенческим характеристикам основная часть населения Украины, вне зависимости от языковых и иных атрибутов, весьма близка к «клятым москалям». В то же время жители Западной Украины – очень специфический социально-демографический «микст» на перекрестке больших дорог истории и географии, хотя они и позиционируют себя как хранителей подлинных национальных ценностей всей Украины и стремятся к доминированию в отношении населения днепровско-донецкой зоны. В этих условиях сегодняшняя братоубийственная война на Украине требует гораздо более тщательных, «объемных» воззрений, не сводимых к топорным информационным «накачкам».

III.

Можно сколько угодно говорить о «намерениях» России в отношении Крыма, но без учета реальных местных условий, причем с многократным запасом прочности, и прежде всего, страстного и искреннего желания подавляющей части населения «возвратиться в Россию», даже самые «вежливые люди» оказались бы не у дел. Данная ситуация была хорошо понятна и Киеву на протяжении всех лет независимости. А потому если он и обращал внимание на Крым, то в первую очередь в плане раздела и передела собственности (сегодня России не следует повторять этих ошибок), разжигания межнациональной смуты и попыток ее использования в политических целях.

К событиям в Крыму некоторые «обозреватели» пытаются подверстать какие-то «планы» создания наземного «данцигского коридора» из России в Крым и даже «соединительной дуги» в направлении Приднестровья. Вообще-то в разного рода аналитических и консультативных структурах, сегодня как никогда многочисленных, могут существовать наработки на любой случай жизни, в том числе и весьма экзотические. Но это отнюдь не значит, что они тотчас принимаются к исполнению хотя бы в качестве рабочих и ознакомительных материалов, даже под воздействием какого-либо «головокружения от успехов». Подчеркиваем: любой геополитический проект, даже если это отвлекающий маневр, операция прикрытия, не может не быть комплексным, он должен учитывать все возможности, ограничители, последствия, реакцию оппонентов, быть гибким и многовариантным. Например, он не может быть успешным, основываясь лишь на военно-силовой компоненте, без учета политических, психологических и экономических факторов и дополнительных нагрузок, включая бюджетные и санкционные. Для понимания всего этого не нужно быть академиком Глазьевым. Заметим, Россия никогда не отрицала существования независимого украинского государства. А вот на Украине, в том числе устами видных деятелей Евромайдана, неоднократно заявлялось об аннексионистских намерениях в отношении России. А также о невозможности «счастливой жизни» на Украине до тех пор, пока рядом возвышается, «давит» на нее целостный российский великан. И это при том, хорошо известном факте, что именно украинские боевики на протяжении последних двух с лишним десятилетий исправно воевали против России на Кавказе, в том числе в рядах настоящих сепаратистов на российской территории.

Не мешает вспомнить и то, что ни Одесса, ни Крым, ни Восток не были изначально «сепаратистскими», их таковыми сделала евромайданная стихия. Вал антироссийских и антирусских настроений, пропагандистские акции по запрету «пссячьей мовы», «бандеризации» Украины и ее истории как раз и послужили спусковым крючком для многих процессов на разрыв Украины и украинской нации. Хотя было совершенно ясно, что сторонники речевки «Бандера придет – порядок наведет» и «Георгиевской ленты» не смогут мирно ужиться в унитарном, жестко выстроенном под «национальную идентичность» государстве. С этой головоломкой могла бы, и то скорее лишь теоретически, справиться «умная сила», но таковой в киевских коридорах власти и среди поборников «хуторянской демократии» традиционно не водится, здесь

предпочитают «более простые» решения, в виде огненных коктейлей и мусорных баков. Но если сегодня часть украинской элиты «вдруг» снова заговорила по-русски и пообещала «региональные послабления», то, стоит подчеркнуть это, только благодаря «угрозе сепаратизма» и необходимости ее нейтрализации. А люди в Киеве именно благодаря «сепаратистам» могут, не опасаясь унижений и расправ со стороны поборников «украинской чистоты», на отличном русском костерить Россию и «национал-предателей» с Юго-Востока. При том, что более двух третей населения Украины в повседневной жизни говорит и мыслит именно по-русски, даже никогда не признаваясь в этом публично. Впрочем, русскоговорящим, но «патриотично мыслящим» все же дозволили «защищать единую Украину» в войне на Востоке. Вспомним в этом плане «За вашу и нашу свободу» в Прибалтике. Кому достались «вершки» той свободы, а кому – «корешки»?

Так был ли «сепаратистами» изначально задуман «сепаратизм»? Напомним, у Майдана был близнец – Антимайдан, пусть и меньший по размерам. Два Майдана были весьма совместимы, показывали друг другу пальцы, «зажигали» кричалки и контркричалки («Кто не скачет, тот не Бубка»). Если бы в то время «антимайдановцы» уже были «сепаратистами», они бы не ездили в Киев для «вразумления майданутых» по поводу дальнейшей судьбы единой Украины, а по примеру «революционеров» выставляли бы блокпосты, грабили склады с оружием, «прессовали» местные власти и силовиков. Но такой сценарий все же не состоялся. Был взят курс на «блицкриг», быстрое силовое обращение «в национал-европейскую веру» всех несогласных и сомневающихся – запугиванием, шельмованием, террором. Чтобы одним «большим скачком» «зачистить» украинское социально-экономическое и политическое поле, «построить» власти и бизнес на местах, уничтожить плацдармы партнерских отношений с Россией. Отслеживались и жестоко наказывались колонны сторонников Антимайдана, с «изъятием на нужды революции» или уничтожением транспорта, особенно доставалось крымчанам. И после этого, после сожжения в Одессе, надо ли удивляться, что наконец-то «проснувшийся» Юго-Восток в целом поддержал «сепаратистов»? Итог был закономерен: «Крым» явился следствием евромайданной смуты, а не наоборот, хотя его воссоединение с РФ, безусловно, усилило и канализовало негативное отношение к «сепаратистам» и к России у значительной части украинского общества.

IV.

Еще в марте–апреле 2014 г. проблема «сепаратизма» могла получить в целом приемлемые для всех решения. Но логика играющих на обострение конфликта политических сил была совсем другой: курс только на полное подавление Юго-Востока, а поскольку это было заведомо малореально, то на максимальную дискредитацию позиции России. Даже еще в мае избранный президент П.Порошенко, якобы не несший никакой ответственности за происходившее ранее, мог теоретически поменять вектор политики. Этого не случилось -- прежде всего, из-за нетерпеливого желания западных партнеров «наказать» Россию. После этого ситуация приняла качественно новый вид, с

утратой шансов вернуться к «нормальным» внутригосударственным отношениям.

Что мы имеем сегодня, в том числе после Минских договоренностей? На украинский кризис «примеряют» многие ситуации и конфликты, от суданского до боснийского, косовского, сербско-краинского и даже североирландского. Возможно, это звучит банально, но у конфликта на Востоке Украины нет военного решения. Мечты о «полной военной победе» лишь загоняют «украинскую болезнь» в подполье. Эта «болезнь» – отсутствие реального представления о том, какие действительно работающие на здоровое развитие «скрепы» необходимы современному украинскому государству и народу Украины (главной «скрепой» всей домайданной Украины была ненависть к В.Януковичу во власти – и ее как раз и убрали). Вместо них для части жителей Украины в рамках политики «унтерменшизации» предлагались, в качестве такой «скрепы», наручники, фильтрации и люстрации, тотальное доносительство, унижительные тесты на лояльность. К сожалению, на Украине не понимают, что происходящие сегодня события ведут к утрате национального достоинства и национально-государственной идентичности, а не к их обретению. Такая политика не имеет исторических перспектив, это «не стерпится и не слюбится». А попытка решения в подобном формате – мина замедленного действия. Война и взаимная ненависть никуда не денутся, просто они станут фрагментарными, перейдут на иные уровни, примут иные формы, навсегда отложатся в генетической памяти.

Более того, сколько бы ни продолжалась и чем бы ни закончилась драма на Востоке Украины, разочарование в войне, осознание, что эта война именно *братоубийственная*, неизбежно оставят после себя трагические травмирующие для украинского социума последствия. И этого Киеву не простят не только на юго-востоке, но и на западе Украины, а зловещая «Птица-тройка» (личная месть, цивилизационное унижение, ненависть к новой-старой, бездарной и вороватой центральной власти) полетит по просторам Украины. Весьма сомнителен расчет на то, что именно в ходе кампании на Востоке возникнет «консолидированная единая украинская нация» (на сегодня «усеченная» не только в пространстве и по численности, но и в первую очередь в гуманистическом измерении), о которой так красочно и убедительно вещал П.Порошенко. А вот «изъятие лишнего населения», попытки передела собственности, ликвидация избыточных в «единой Европе» производственных мощностей – эта задача Киевом как раз «успешно» решалась. Говорят и о целенаправленной, регионально ориентированной политике по провоцированию и стимулированию массовой эмиграции с территории Украины. Не исключено, что все это может оказаться важной составной частью, если не скрытым от взоров функциональным стержнем, пресловутых «планов» киевской верхушки.

Между прочим, в ходе кампании на Донбассе в официальных украинских СМИ обсуждался шанс «выдавить на передовую» пассионарных, неудобных в обычной жизни, в том числе новым властям, элементов, о чем последние, безусловно, догадываются. Эти группы, в том числе молодежные, вряд ли будут интегрированы в политические элиты. А потому на новом витке нестабильности, недовольства и стремления во имя «национальных»

интересов поменять политические ориентиры к власти вполне могут придти некие диктаторские планы, что, в свою очередь, явилось бы прелюдией к следующему раунду украинской смуты.

Вполне вероятно, что следующим шагом развития «самобытной украинской демократии» может оказаться «национально-военная диктатура». Промежуточный вариант – олигархическая междоусобица, феодализация геополитического пространства. Такой новый квартирант Европейскому дому не нужен, разве что в его предбаннике и то лишь в качестве «чупакабры», столь легендарной на Украине. А это означает, по большому счету, изоляцию и самоизоляцию Украины вместо светлых интеграционных перспектив – уйдя от России и не оказавшись в Европе.

V.

Особо подчеркнем: суммарные экономические, прямые и косвенные потери Украины в ходе кампании по «наведению порядка» ставят под вопрос любые усилия Киева по «евроассоциации с модернизацией». На это просто не найдется средств. Под вопросом может оказаться даже физическое выживание экономики и населения страны. А те, кто обещал эти средства предоставить, пока что ограничиваются «капельными» подачками и подбадриваниями. Парадокс, но интеграция Украины в Европу должна была бы, по идее, оплачиваться Россией. И никакими «клятвами в верности Украине» не исправить разрушительного воздействия на экономику возникшего хаоса и психоза митинговщины. Их жертвой, очевидно, в значительной степени стали экономические связи с Россией, а ведь до последних потрясений они составляли более трети во внешней торговле Украины и почти половину доходов ее ВПК. Высокотехнологичная сфера Украины вообще едва ли может существовать без России, ее рынков и кооперационных связей. В условиях глобального кризиса никакой Запад не предложит Украине новый «план Маршалла». Для Запада украинский технологический уклад, за исключением некоторых анклавов, не представляет интереса. Это Россия, с ее фантомными болями «старшего брата», была готова заводить на Украину отнюдь не лишние для нее самой «братские миллиарды». Впрочем, не следует раньше времени «хоронить» киевский режим. Он, на наш взгляд, пока обладает известным запасом прочности. Более того, есть перспектива успешного продолжения национально-радикального «воспитания».

Но, может быть, роль «передового рубежа» противостояния Запада с Россией – или хотя бы «моста» -- обещает Киеву определенные выгоды? Ряд стран «новой Европы» очень хотел бы передать Украине эту эстафетную палочку «борца с Россией». А Запад, видимо, готов и далее дразнить Россию Украиной и наоборот, устраивать на территории Украины (и за ее счет) геополитическую ловушку для российской внешней и военной политики. И все во многих западных столицах прохладно относятся к просьбам киевских радикалов предоставить им современные вооружения, что пока не позволяет конфликту эскалировать до надрегионального уровня и стать точкой своеобразного «мини-генерального сражения» России и Запада. Запад, похоже,

начинает понимать, что, по крайней мере, украинские праворадикалы представляют угрозу для международной и региональной безопасности.

Новый всплеск активности Запада/США на постсоветском пространстве пришелся, что показательно, на окончание (несостоявшееся) активных фаз кампаний в Ираке и Афганистане, т. е. на время, когда у Запада высвободились сила, средства и амбиции для иных геополитических проектов. Однако сегодня, в связи с заполнением исламскими радикалами оставленного силового вакуума, США и их западные партнеры вынуждены уделять значительно больше внимания исправлению своих прошлых «экспериментов» на Ближнем и Среднем Востоке. «Проект Украина» становится для Запада обременительным, а по существу даже прямой обузой. Возникает вопрос: можно ли ставить, особенно в зимний период, под угрозу транзит энергоносителей через Украину в то время, когда резко усложняется ситуация на Ближнем Востоке и растет фактор геополитической неопределенности? Эти обстоятельства могут внести серьезные коррективы в динамику мировых цен на энергоносители.

Что касается экономических интересов Запада на востоке Украины, то, возможно, в этом плане ранее вынашивались далеко идущие планы, в том числе и в расчете на успешный блицкриг. Но у П.Порошенко не хватило на такой «прорыв» ни мощи, ни духу, а потому и его дальнейшая политическая судьба может оказаться в той или иной форме под вопросом. В итоге сегодня для Запада «цена» и перспективы бизнеса и влияния на востоке Украины выглядят не столь привлекательными. Слишком велики риски, а бизнес требует стабильности и предсказуемости.

Едва ли случайно по обе стороны Атлантики озвучено мнение, что Запад не будет участвовать в силовом противоборстве с Россией из-за Украины. Правда, военную помощь обещают все. Но демонстративные жесты политических маргиналов и отставников, вроде Л.Валенсы, мало кого впечатляют. Партнерство Киева с Западом и с НАТО будет, по всей вероятности, укрепляться, но формальный прием Украины в Североатлантический блок едва ли состоится. Россия со всей ясностью продемонстрировала, что в зонах своих насущных жизненных интересов хотела бы видеть сдержанность и здравомыслие в поведении как союзников, так партнеров и оппонентов.

VI.

Есть ли альтернатива нынешнему развитию событий на востоке Украины, если оставить за скобками такие «отрезвляющие» факторы, как «Генерал Мороз», трения между олигархами, которые еще впереди, экономический коллапс? Увы, но политическая ситуация такова, что слишком многие силы в самой Украине и за ее пределами уже изрядно вложились в текущий сценарий и хотят «увидеть результат» по самому широкому кругу задач, а потому желают «продолжения банкета». В зависимости от обстоятельств и возможностей, вынашивается стремление «додавить» Донбасс, а если не выйдет, то поставить его на колени или сделать «сектором Газа», а потом перенести акцент действий на крымское направление. Похоже на то, что данная повестка

дня сохранится даже в случае перехода Киева к более гибкой и практичной политике. Само украинское руководство без внешней подсказки, даже при желании, сегодня вряд ли сможет сказать «стоп» или хотя бы сделать контакты с «сепаратистами» достаточно предметными. Значит, нужны некие внешние силы, понимающие опасность «подхода к последней черте», угрозы совсем «заиграться в войнушку» на узкой геополитической дорожке, с которой не свернешь.

Для коренного изменения ситуации во внутриукраинском кризисе сегодня пока еще нет достаточных объективных условий. Положений провозглашенного (а затем отыгранного назад) «Закона о самоуправлении в отдельных районах Донбасса» («понимай как знаешь»), при нагнетании ультранационалистических настроений в обществе, на улице, явно недостаточно. Тем более, что ряд видных функционеров киевской власти уже заявили о своих намерениях не исполнять подобные предписания в целом или в их содержательных частях. В лучшем случае потребуется длительное время для перезагрузки очень серьезно травмированного национального сознания. Да и крови, в том числе под уговоры «жить дружно», на Украине пролито уже «по щиколотку».

Однако взаимодействие на «бытовом», хозяйственном уровне, тем более в разрезанном по живому Донбассе, все равно будет пробивать себе путь, как и понимание безальтернативности мирного сосуществования. Определяющим для начала хоть какого-то позитивного взаимодействия Киевской Украины и востока страны явились бы безусловное прекращение военных действий, отвод дестабилизирующих вооружений, замораживание конфликта и, как бы это ни было «больно» радикалам и идеалистам с обеих сторон, прекращение поощрения партизанщины и диверсионных действий. Все это вряд ли удастся сделать только «своими силами», без очень внятного внешнего «принуждения к миру».

Все сценарии сегодня, что называется, «хуже». «Лучшим» из них был бы такой сценарий, который ориентировался бы на сохранение единого финансово-экономического, инфраструктурно-логистического пространства, сложившейся в предыдущий период системы социального обеспечения (в которую, между прочим, в первую очередь «вкладывался» юго-восток страны). Необходимо энергичное противодействие экономическим, энергетическим, финансовым, водным и иным санкциям и блокадам. Приоритет должен быть отдан поощрению, а не препятствованию внешних связей регионов, любой внешней помощи, способствующей разрешению и развязыванию, а не еще большему затягиванию конфликтного узла на Донбассе. Все это, разумеется, требует сильных и эффективных гарантий со стороны заинтересованных и способных оказывать влияние, а также оценивать опасность нынешней ситуации, понимать друг друга игроками, чья роль сейчас только возрастает. На наш взгляд, это единственный хоть сколько-нибудь возможный для практической реализации сценарий, что, по зрелому размышлению, не могут в конце концов не признать все вменяемые политики или считающие себя таковыми. Альтернативой данному подходу может оказаться даже не окончательный, уже без вариантов, разрыв Украины, а резкая эскалация конфликта, полномасштабная война, с прямым вовлечением в нее внешних сил.

Сегодня бытует точка зрения, согласно которой Украине, не обремененной нелояльными, «неевропейскими» Крымом и Донбассом, будет «легче» интегрироваться в Европу, если такая задача действительно стоит перед Киевом в качестве приоритетной. Нынешние украинские политики неоднократно подчеркивали (другой вопрос – насколько искренне), что Украине нужно прописаться в Европе, стать Европой, и это облегчит для нее задачи реинтеграции Крыма и юго-востока невоенными средствами, «личным примером». Следовательно, признается, что реформировать экономику и «украинский образ жизни» при одновременном ведении боевых действий не получится. Интересно, что как раз теперь становится отчасти более понятной «непримиримая» позиция по конфликту на востоке Украины ряда европейских политиков, включая А.Меркель, стремящихся любой ценой обеспечить паузу в евроинтеграционных устремлениях Киева. Европе сегодня не до этого.

VII.

У российской общественности, в том числе экспертно-академической, есть ряд вопросов и к называемым «сепаратистам». Настораживает, что Донбасс, не проиграв войны, может проиграть мир, удариться во внутренние разборки – из-за политической незрелости, волюнтаризма, мировоззренческой наивности, мечтательности и «атомизации» представлений о будущем Новороссии. Пока что «Проект Новороссия» (или ДНР–ЛНР) недостаточно убедительно обоснован. Более того, есть мнение, что, «потерпи» Киев, не прояви он «хуторянские» упорство и близорукость, оставив упования на силовой вариант – и Новороссия стала бы более податливой в рамках общеукраинского сообщества, разумеется, в случае встречных ходов Киева в сторону регионализации и «мягкой» федерализации (если кому-то не нравится этот термин, то, подчеркнем, его можно трактовать очень широко). В ином случае нужно констатировать, что национал-радикалы и киевские власти были изначально запрограммированы именно на силовой вариант с кровью и вовлечением в него России.

Ситуация на Украине может меняться, и необходимо сделать ее более предсказуемой и управляемой. Эта «управляемость», если она не будет стимулировать дальнейшую подпитку напряженности и заведение ситуации в окончательный тупик, может носить только согласованный, в том числе «пакетный», многосторонний характер. Это касается и разного рода выборов, переговоров, круглых столов и «дорожных карт». Они будут эффективны, но не как следствие временных компромиссов (от них легко отказаться), выкручивания рук, тем более попыток взаимного устрашения, а только как продукт задействования здравого смысла и учета реалий.

Кто может быть внешними партнерами России в урегулировании украинского кризиса? Надеяться прежде всего (и только) на Европу (на что делалась определенная ставка) как на партнера по политическому разрешению кризиса на Восточной Украине, едва ли вполне реалистично. Европа, безусловно, заинтересованный игрок, но она очень разная, к тому же, как выяснилось, крепко завязана на США. Консолидация позиции европейцев по Крыму и Украине происходит на американской (и антироссийской) основе.

Глобальный бизнес также крайне неоднороден, разновекторен в интересах, а возможности его влияния на политические круги, настолько можно судить, переоценены в экспертных кругах.

Мировая геополитика, при всем ее динамизме, одновременно достаточно консервативна и инерционна. По сути продолжается прежняя «Большая игра», с теми же главными игроками, пусть и с поправкой на фактор глобализации и смещение в расстановке фигур и их геополитической валентности. Украина в этой игре отнюдь не джокер, а пока только разменная монета. Значит, руководителям России и США не следует пытаться «не замечать» друг друга. И в прежние времена, в сложной, тем более угрожающей выйти из-под контроля ситуации, даже не слишком симпатичные друг другу лидеры находили возможности и каналы для очень деликатных решений и компромиссов, при этом не нанося друг другу неприемлемого политического ущерба. В современном взаимозависимом мире любой серьезный ущерб в итоге взаимен, а «игра с нулевой суммой» больше не работает. Все мы еще можем друг другу пригодиться во всякого рода коллизиях, на резких геополитических поворотах, в том числе непредвиденных. И эти каналы всегда, при любой конъюнктуре, должны находиться в рабочем, прочищенном, готовом к конструктивному использованию состоянии. Знаменательно, что именно в наши дни, по сути впервые после окончания «холодной войны», у дипломатов и политологов России и Запада наконец-то нашлась «настоящая работа» по тщательному согласованию собственных геополитических проектов, даже формированию общих проектов, дабы не подвергать их бездумной, с надеждой на авось, конкуренции.

С одной стороны, сегодня ни Россия, ни Запад, при всем внешнем усилении взаимной критики, вплоть до угроз, не заинтересованы в перерастании кризиса на Украине в нечто большее. Запад должен понять – односторонние действия по продвижению собственного проекта непосредственно у самого ядра российской цивилизации не могут не вызывать жесткой реакции со стороны РФ. В Кремле четко сознают, что это, по крайней мере, грозило бы значительной деформацией всей системы международных отношений с самыми серьезными последствиями, усугубляемыми глобальным кризисом. По господствующему в российских верхах убеждению, пора прекратить мучить друг друга разговорами о том, кто выиграл и кто проиграл «холодную войну».

С другой стороны, Россия не может потерять лицо перед давлением Запада по вопросу помощи юго-востоку Украины – российское общество этого не поймет. Репутационные потери могут оказаться куда выше экономических. Но политика – искусство возможного. «Большая игра» на Украине и вокруг Украины, безусловно, продолжится. В нее можно и нужно вносить коррективы. К тому же экономика уже в ближайшее время в состоянии охладить амбиции политиков как в Киеве, так и на Востоке. Что касается Крыма, то он может и в будущем быть поводом для самых разных недовольств и, к сожалению, санкций, но уже никогда не станет предметом торга России с Украиной и Западом. Западу же, настаивающему на обратном, придется понять: воссоединение Крыма – это не аншлюс и не рейдерский захват со стороны

Кремля. Иное развитие ситуации по Крыму просто привело бы к гораздо более тяжелым последствиям.

Что касается мирового сообщества и общественного мнения внутри самих стран – партнеров по взаимодействию – то они могут поменять свою точку зрения. Почувствовав угрозу большой крови и большой беды, они могут потребовать от своих лидеров не демонстрации «крутизны», а договороспособности. При этом все разговоры-переговоры имеют практический смысл только до той поры, пока кто-то не вернулся к намерениям «вбить Восток в грунт», не начали претворяться в жизнь (точнее, в смерть) бредни киевских горячих голов.

Говоря о проблеме санкций, следует отметить: если они не будут отменены в ближайшей перспективе, то можно больше вообще к этому вопросу не возвращаться. Произойдет радикальная переналадка, перекоммутирование связей с учетом того, что многие современные проекты, не только в высокотехнологичной сфере, капиталоемки, рассчитаны на длительное и устойчивое партнерство. А экономические разрывы только усугубляют политические. Более того, «верни» сегодня Россия Крым, откажись от поддержки юго-востока, возврата к досанкционному положению вещей все равно не будет. Запад уже попробовал вкус санкций в отношении России, есть риски, что он еще не раз обратится к этому геополитическому «реостату». И Россия, с учетом задач по обеспечению и укреплению национальной безопасности, будет вынуждена все в большей мере полагаться на более надежных и предсказуемых партнеров, а также на собственные силы. Не превращаясь, разумеется, в «осажденную крепость».

***

Каковы же перспективы российско-украинских отношений в свете рассмотренной проблемы? Трагично, что между Россией и «простыми украинцами» действительно пролег глубокий ров, что чуть ли не «главным россиянином» на Украине оказался президент П.Порошенко. Кстати, контакты России с ним достаточно плодотворны, в том числе в попытках хоть как-то ослабить узел на Востоке, сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Бизнесмен П.Порошенко гораздо более прагматичен и договороспособен, чем «идейные» и мнимые радикалы, ни за что не отвечающие. Кроме того, имеются большие сомнения по поводу управляемости киевской вертикали власти, в том числе в оборонно-силовой сфере. Юго-восток и Крым еще очень долго останутся в российско-украинских отношениях неизвлекаемым осколком, любое шевеление которого будет отдавать острой болью. Киевская Украина будет, по имеющимся признакам, и далее дрейфовать прочь от России, пока не достигнет некоего «равновесного» положения, в котором она окажется в состоянии более здраво взглянуть на настоящее и будущее своих отношений с РФ.

И последнее. Российско-западные отношения ни в коем случае, в условиях глобального системного кризиса, не должны оставаться заложником украинского противостояния. Кто-то полагает, что российско-западные отношения, в том числе в результате трагических событий на Украине, приходят к своему «естественному» положению, позволяющему оправдывать

«происками врага» трудности и неудачи, неумение работать и руководить, ладить с друзьями и оппонентами. Это – ошибочное мнение. Современное положение вещей ненормально, оно не в интересах России и Запада, ибо подрывает международную безопасность, шансы на упрочение мира и стабильности. Поэтому необходимо срочно, без излишних политико-дипломатических игр, внести в ситуацию решительный перелом.